

Н.Р. Ойноткинова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Легенды о Всемирном потопе и Вавилонской башне
в фольклоре тюрков Южной Сибири**

Аннотация: В статье рассматривается этническая специфика библейских легенд о Всемирном потопе и Вавилонской башне в фольклоре тюркских народов Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов и шорцев). Легенды с библейскими сюжетами могли войти в их фольклор в результате ознакомления верующих людей с Библией, а также в результате заимствования и осмысления легенд на библейские темы, распространенных в прошлом среди переселенческих народов, в частности, русских. Сохранность этих легенд в народной среде объясняется тем, что их сюжеты часто адаптируются к местным реалиям, понятиям, мифам, событиям. В построении рассказа используется национальная мифологическая терминология и образно-понятийная система.

The article deals with the ethnic specificity of biblical legends about the Flood and the Tower of Babel in the folklore of the Turkic peoples of Southern Siberia (Altaians, Tuvinians, Khakassians and Shors). Legends with biblical scenes could get into their folklore owing to the believers' acquaintance with the Bible, comprehension and adoption of the biblical legends, widespread in the past among Migrant peoples, particularly, Russians. The persistence of these legends among the people is due to the fact that their plots are often adapted to local realities, concepts, myths, and events. In the construction of a closely related native story use is made of the national mythological terminology and conceptual system.

Ключевые слова: легенда, фольклор тюркских народов Южной Сибири, библейские сюжеты.

Legend, folklore of the Turkic peoples of Southern Siberia, Biblical stories.

УДК: 398.222: 821.512.1

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел. (383) 3301452. E-mail: sibfolklore@mail.ru.

Библейские легенды о Всемирном потопе встречаются у многих народов, в том числе у тюркских народов Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев), которые в той или иной мере ощутили на себе влияние христианской религии. Фольклорные произведения с библейскими сюжетами о потопе у коренных народов Сибири, скорее всего, могли появиться в результате ознакомления верующих с Библией, а также в результате заимствования библейских легенд от переселенческих народов. Их основной сюжет адаптировался к местному повествовательному фольклору, некоторые эпизоды дополнялись и расширялись за счет различных вставок, мифов, образов и понятий. Все это, несомненно, свидетельствует о том, что чужая культура воспринималась и заимствовалась тюрками Сибири через призму своей этнической духовности и ментальности. Это способствовало и сохранению фольклорных произведений в их культурно-языковой среде.

Легенды, связанные с Ветхим и Новым Заветами, представляют один из интереснейших сфер для изучения проблемы взаимовлияния культур в фольклоре

разных народов. В течение долгого времени исследования по христианскому фольклору были редким явлением в отечественной фольклористической науке, но к настоящему времени сложилась довольно хорошая источниковая и исследовательская база на материале восточнославянского фольклора. При исследовании своего материала мы обращались к трудам О.В. Беловой [2004, 2006, 2008], В.С. Кузнецовой [1997; 2008, 2009], В.В. Напольских [1990]. Цель нашей публикации – показать этнические особенности заимствованных легенд о Всемирном потопе и Вавилонской башне в фольклоре тюркских народов Южной Сибири. Материалом анализа послужили алтайские, тувинские, шорские и хакасские тексты, опубликованные в трудах В.В. Радлова [1907], В.И. Вербицкого [1893], в томах серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (14 текстов, 9 вариантов) [Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010; Несказочная проза алтайцев, 2011; Фольклор шорцев, 2010], а также материалы, записанные в 2008 – 2009 гг., во время фольклорно-этнографической экспедиции к теленгитам Улаганского района Республики Алтай.

Легенды о потопе состоят из следующих основных фрагментов: о подготовке Ноя к потопу, строительстве ковчега; о противостоянии дьявола с целью уничтожить человеческий род; о продолжении потопа 40 дней (о гибели мамонта); о прекращении потопа, выпускании птиц с ковчега.

Адаптация заимствованных библейских легенд часто происходит на уровне лексики (имен персонажей, наименований флоры, топонимов, и т.д.), вставных деталей сюжетов. В алтайском тексте «Шайык» и в его вариантах присутствует образ мифического синего козла (*көк теке*) с железными рогами, который, учув приближение катастрофы, обежал вокруг земли семь раз [НПА, 2011, с. 116–117, 428]. Эпитет *көк* ‘синий’, возможно, указывает на его происхождение в водной стихии. В легенде отмечается, что это существо в первый раз появилось перед началом потопа: *«Шайык шыгарда, тебир мўўстиг көк теке чети кўн, чети каттап чер айландыра, мараап чат чўгўрчўрдир. Чети кўн чер силгинен. Чети кўн кырлар кўйген, чети кўн ньанмыр частыр. Чер чарылган. Чарыктарынсары суг толгон. Чети кўн тоол кирген, мўндўр барган. Чети кўн кар тўшкен. Ан соондо соок болгон. <...>* ‘Когда потоп случился, синий козёл с железными рогами, бляя, за семь дней семь раз вокруг земли обежал. Семь дней земля тряслась. Семь дней горы горели, семь дней ливень шёл. Земля раскололась. Трещины водой наполнялись. Семь дней наполнялись, град шёл. Семь дней снег падал. Затем холод был’» [НПА, 2011, с. 116–117].

Появление синего козла предвещает катастрофы, связанные с водной стихией. Согласно другой легенде во второй раз козла люди видели перед оледенением: «Ульгень стал жить на земле. Затем опять появился синий козел. Ульгень вместе с сыновьями поднялся на небо. На этот раз начался сильный холод. Многие животные и птицы погибли. Через семь дней холод пошел на убыль. Синего козла с тех пор не было видно» [НПА, 2011, с. 428–229]. Мифический образ этой стихии можно сравнить с образом красного быка – предвестника катастрофы, связанной со стихией огня.

В «Легенде о Ное» роль дьявола «исполняет» Эрлик – божество Нижнего мира в шаманской мифологии алтайцев, он же старший брат Ульгена (Кудая) – светлого божества. Дьявол приходит к жене Ноя в облике человека в жёлтой войлочной шубе – это традиционный образ Эрлика в алтайском фольклоре, он «перекочевал» и в библейский сюжет. Вместо имени Ной употреблены нарицательные имена существительные: *обьгьн* ‘муж’, *кижи* ‘человек’, *айылдын ээзи* ‘хозяин юрты’ [НПА, 2011, с. 126–131]. Кроме того, в алтайской легенде «Ковчег» точно указывается количество членов семьи Ноя, которые сели в ковчег, всего восемь человек: Ной, его сыновья, три сына, и их жены.

Некоторые важные эпизоды легенд дополняются этиологическими мифами. Например, когда Ной поднимал жену с помощью весла, одежда на ней порвалась сзади. Этим случаем объясняется появление разреза на женском *чегедеке* – национальной одежде в виде кафтана у алтаек. К этому этиологическому мифу примыкает также объяснение появления некоторых алтайских родов: «*Ол эр кижил балдарынын балдарына ат адаган. Балдарынын ады малдын кажы ла үйе-сөөгиле адашташ. Чандыр жүгени – Чапты, картазын жүгени – Кыпчак.* ‘Тот мужчина детям своих детей дал имена. Имена детей были даны по названиям частей тела животных. Съевшего потроха [назвали] Чапты, съевшего внутренний жир – Кыпчак’» [НПА, 2011, с. 130–131].

В одной из легенд Эрлик для того, чтобы узнать, чем занимается Ной, посылает в облике мыши свою жену. Мышь учит жену Ноя готовить *араку* (молочную водку), чтобы напоить этим напитком Ноя и узнать его тайну. Жена Ноя села в ковчег лишь тогда, когда муж, рассердившись, сказал: «Чёртова жена, зайди в ковчег!». Мышь прошла вместе с ней в ковчег и прогрызла его дно. Кошка же, которая была в ковчеге, поймала ее и съела [НПА, 2011, с. 430–431]. Этот эпизод почти полностью совпадает с эпизодом легенды, зафиксированной у шорцев. В восточнославянских текстах функцию спасителя выполняют животные: кошка, лев, уж или лягушка [Белова, 2004, с. 267–273].

Фрагмент о противоборстве дьявола присутствует и в легенде, записанной Н.Ф. Катановым у хакасов-качинцев [Образцы..., 1907, с. 417–418]. Согласно ее сюжету жена Ноя вступает в сговор не с женой дьявола, а с самим дьяволом-*айна* – злым духом. Здесь событие трактуется иначе: дьявол подговаривает его жену угостить мужа вином перед тем, как ему садиться в ковчег, для того чтобы самому пробраться туда.

«Дьявол говорит жене Ноя: “Ты не садись до тех пор, пока вода не дойдет до колена. После этого вода поднимется до верхнего края подштанников. Ты не садись и тогда. Потом дойдет до груди. Тогда муж скажет тебе: «Садись, чёрт!» Сказав это, он призовет и меня. Тогда сядем на плот вместе!” Когда жена Ноя не торопилась сесть с мужем в ковчег, то он в сердцах сказал: “Садись, чёрт!” – получилось, что он так призывал и дьявола» [Там же, с. 418].

Сюжет хакаской легенды о потопе развивается эпизодом гибели мамонта. В фольклоре других сибирских народов он представлен в самостоятельных текстах (см.: [Кузнецова, 2008]). В текстах, записанных у хакасов и алтайцев, к гибели мамонта приводит его гордый нрав: он, считая себя ханом всех зверей и понадеявшись на свою силу, не сел в ковчег [Образцы..., 1907, с. 418; НПА, 2011, с. 118–119].

В некоторых сибирских текстах сюжет о потопе контаминируется с сюжетами легенд о первотворении. О.В. Белова считает, что это характерная черта некоторых «библейских» легенд [Белова, 2006, с. 273]. Эпоху «первотворения» и потоп связывает общая идея о том, что мир после потопа был сотворен почти заново. Эта мысль, например, присутствует в концовке шорской легенды: «*Анаң сал шаптырпартыр эңне мөзүк тага Арарат теп, тага. Анаң аң-куштар по черге кадак чайалганнар* ‘Потом этот плот прибило к самой высокой горе Арарат, Арарат-горе. Потом на этой земле звери-птицы снова стали сотворяться’» [Фольклор шорцев, 2010, с. 332–333].

В алтайском тексте «Шайык» к сюжету о потопе присоединяется сюжет легенды, заимствованной из буддийской фольклорной традиции, о состязаниях творцов за первенство в правлении миром. Согласно легенде «Шайык» человек был сотворен после потопа. В тексте отмечается, что будет потоп, знали семь братьев: старшего брата звали Эрлик, а самого младшего – Ульген. Приведем цитату: «*Ульген десе кижил чайан эттир. Ол десе, көк чакайакты алалып, алтын ай-акка салалып, кижил чайан ийдир. Улуг кардашы, Эрлик, аны артык көрүп, чарым*

чакайаны оорлап алтыр, Ылген шылап, кижги чайан ийдир. ‘Ульген же сотворил человека. Он же, взяв синий цветок, положив его в золотую чашу, сотворил человека. Старший брат, Эрлик, позавидовав ему, украл у него половину цветка и, как Ульген, сотворил человека’» [НПА, 2011, с. 116–117].

Далее подробно описывается эпизод о том, каких птиц выпускали из ковчега для того, чтобы узнать о понижении уровня воды: *«Карташтар кереб чазан алтырлар. Ол керебге чердин сыртында чугы* бар, неес-куш, куртан, андардан – пир тийден кожо аланар. Ылген дезе, шайык пождоды ба, деп тааканы керебтен пождот ийдир. Така дезе, соокка тогып калган. Ан сонда касты божоттыр. Кас дезе сугле ыгып*, ойдо ньанмынсан. Ычунче катап Ылген кускунды ийдир. Кускун база ойдо келбеен, ол умнин эдини очип чурдир.* <...> [Перед потопом] братья ковчег построили. На этот ковчег всё, что есть на земле, – птах-птиц, насекомых, зверей – по одной паре с собой взяли. Ульген же, чтобы проверить, кончился ли потоп, курицу с ковчега выпустил. Курица же замерзла в холод. После этого [Ульген] гуся выпустил. Гусь же, поплыв по воде, назад не вернулся. В третий раз Ульген ворона отправил. Ворон тоже назад не вернулся, улетел за мясом падали’» [НПА, 2011, с. 116–117]. В тексте опущен эпизод о голубе, который прилетел обратно в ковчег с веткой маслины в клюве.

Далее к основному сюжету примыкает сюжет о сотворении первых людей и собаке, которую бог сотворил, чтобы она сторожила этих людей до тех пор, пока он находится в поиске души для них. Эрлик, опередив бога Ульгена, вдыхает свою душу в лежащих людей.

Библейская легенда о Всемирном потопе, опубликованная в книге В.И. Вербицкого «Алтайские инородцы» [1893], претерпела значительные изменения благодаря своеобразной трактовке ее важных эпизодов различными фактами из истории алтайцев, когда они находились под влиянием ойротской культуры и ламаизма (буддизма). В ней главного персонажа Ноя зовут Нама (Лама – священнослужитель в ламаизме). Имена трех его сыновей – Соозун-уул, Сар-уул (букв. «Желтый-сын»), Балыкса (букв. «Рыбак»). В тексте подробно описываются эпизоды о подготовке Ноя к потопу, строительстве ковчега и прекращении потопа. Ульген велит Наме построить плот из сандалового дерева. Чтобы проверить, закончился ли потоп, Нама выпускает ворона, ворону и сороку, голубя. Голубь прилетел обратно и принес березовую ветку [Вербицкий, 1893, с. 125–126]. В Библии голубь принес масличный лист.

Как видим, адаптация деталей сюжета происходит не только на уровне имен персонажей, топонимики, но и флоры. Часто в заимствованных библейских легендах упоминается та растительность, которая характерна для Сибири. Так, в одной из легенд, повествующих о рождении Иисуса Христа, подчеркивается: когда Христос, воскреснув, спустился с небес, одни люди расстелили шелк, а другие тополиные, березовые и осиновые листья (вместо библейских пальмовых):

<...> Тедериден Иисус тужерде, бай улустар торко мандык жайган, жокту улус терек, кайын, аспак агаштын бурин жайган. Бай улус айткан: «Ол бистин торко мандыгыстын жаражын коруп Иисус тужер. Слердин агажарга Иисус качанда туйшпес» – деерде, Иисус ол агаштарга келип туйшкен. Ол эм байлу агаштар¹. <...> Когда Иисус спускался с неба, богатые люди расстелили шёлк, бедные люди расстелили тополиные, березовые, осиновые листья. Богатые люди говорили: «Он, увидев красоту наших шелков, к нам спустится. На ваши листочки Иисус никогда не спустится», – когда так сказали, Иисус на эти листья спустился. Теперь это святые деревья.

¹ Зап. Н.Р. Ойноткинова и Е.И. Исмагилова в 2009 г. в с. Паспарты Улаганского р-на РА от М.С. Тонтушевой, 1926 г.р., теленгитки из рода дьитас. Архив сектора фольклора ИФЛ СО РАН, ед. хр. 13.030, № 602–603.

Интересен эпизод о том, как Нама (Ной) проклинает одного из трех своих сыновей (по Библии Хама – *Н.О.*). По алтайской и тувинской версиям от проклятого сына Ноя, Хама, пошли шаманы. Эта ошибочная трактовка появилась на основе омонимии двух слов: древнееврейское имя Хам означает ‘жаркий’ (по Агаде, или раввинистической литературе, касающейся Талмуда, сыны Хама населяют жаркие страны и обладают пылким характером) [Мифологический словарь], а тюркское слово хам / кам – ‘шаман’. Сын Намы (Ноя) Балыкса (по Библейской истории – Хам) не получает у отца благословения за то, что он обращается к услугам шамана. По библейской истории Ной проклял сына Хама за то, что он осмелел его, когда он, выпив вина, лежал нагим, между тем как два других сына Ноя, отвернувшись и не глядя на наготу отца, почтительно прикрыли ее [Аверинцев, 1987, с. 225].

«После потопа Балыкса захворал и призвал к себе человека по имени Тянгара, заставил его камлать. Обоих их Эрлик научил: одного призвать кама, а другого камлать. Тогда Ульген сказал Балыксе: “ты будь слуга Эрлику, потому что ты не мне приносишь жертву, и после смерти ты пойдешь к Эрлику”. Тянгара сказал в ответ Ульгену: “пожалуй, я и тебе таким же образом буду приносить жертву, как Эрлику”. Ульген сказал ему: “отныне будет имя твое Кам. Кто будет подражать тебе, тот не будет иметь богатства на земле”. <...> Других двух сыновей Намы, Соозун-уула и Саруула, Ульген благословил и сказал: “от вас произойдет народ благоразумный, книжники и пророки, цари и ханы, и Соозун-уула я возьму к себе на небо”». [Вербицкий, 1893, с. 126–127].

Имя *Тянгар* напоминает имя легендарного богатыря ойротского эпоса «Джангар». В легенде образ Калдан-хана идеализирован: «Обратившись к Саруулу, Ульген продолжал: «я пошлю вам царя с неба. Он будет царь царей, сила его будет велика, никакой богатырь его не одолеет, имя его будет Калдан-каан. Он не будет воевать против царей. Все народы без войны ему покорятся...» [Вербицкий, 1893, с. 127]. Как известно, Галдан, принявший в 1677 г. титул хана, стал единовластным правителем всех ойратов Джунгарии.

В тексте отмечается, что после потопа Наму (Ноя) из благодарности и уважения стали звать Яячи (букв. Творец). В примечании есть сноска, где указано, что «и донныне бийские и кузнецкие инородцы ежегодно приносят Наме под именем Яик-хана (букв. “Хан Потопа”) в жертву белую овцу, преимущественно весною, на высокой горе. Еще призывают Яик-хана в том случае, если не ведется скотина, ибо инородцы веруют, что умершие их родственники уводят скот с собою в жилище мёртвых, откуда Яик-хан, при жертвоприношении ему, отнимает и выгоняет его потопом» [Вербицкий, 1893, с. 126]. Этим также объясняется проведение обряда жертвоприношения шаманами.

В алтайских и тувинских версиях библейской легенды о потопе события «происходят» в Саяно-Алтайском нагорье, среди гор: «На Алтае в какой-то долине муж-жена со своими детьми жили. Муж был и трудолюбивым, и умным-мудрым, всё умевшим делать человеком был» [НПА, 2011, с. 126–127]. В других текстах привязка к конкретному месту действия – к определенной горе: «Останки плота-ковчеге есть в вершинах Кадрина, на горе Тай-Менкю, так пожилые люди говорили» [НПА, 2011, с. 430–431]; «В верхней части горы Манчурек на очень высокой вершине, в местности, называемой Эринниг-Ой, молодые люди, которые жили там, мужчина и женщина, соорудили железный плот» [МЛПТ, 2010, с. 47].

Мотив о потопе послужил темой для порождения различных топонимических преданий. Зафиксировано много текстов в нескольких районах Горного Алтая, в которых указаны горы, на которых будто бы во время потопа спасались люди, и даже на вершинах некоторых из них люди до сих пор обнаруживают остатки плота (см.: [Алтай кеп-куучындар, 1997, с. 367]).

Как видим, в легендах трансформация происходит не только во временном плане, но и в пространственном.

О Вавилонской башне в книге В.И. Вербицкого зафиксирован пересказ легенды на русском языке. По алтайской версии мотивом для строительства горы послужило то, что люди, боялись повторения потопа: «По отшествии Ячи (Ноя – Н.О.) на небо, вырос лес на обращенных к северу скатах гор – *арга*; народ размножился и наполнил землю; все говорили, впрочем, одним языком. Люди, боясь потопа, вздумали сделать гору (не башню!). Богу это было неприятно. Он посылает сильные бури, так что и людей и камни сбрасывало сверху горы». <...> [Вербицкий, 1893, с. 127]. Здесь события происходят среди гор, покрытых лесом, тогда как библейские события происходили в песчаной долине. Рассказчик вместо слова *башня* использовал слово *гора*, видимо, он не нашел в своем лексиконе соответствия первой лексеме.

Герой по имени *Тянар* (Джангар / Джунгар), в предыдущем эпизоде выступавший шаманом, является посредником между Богом и людьми, он просит людей прекратить строительство горы. Люди не послушали его, тогда Тянар ушел от них неизвестно куда. Тогда Бог наказал их, сказав: «Вы не послушали меня и Тянара, коего я послал, за то вы будете говорить разными языками» [Вербицкий, 1893, с. 127]. Согласно Библии причиной строительства этой башни являлось то, что потомки Ноя (племя Хамово) опасались угрожающего ему рассеяния и рабства, оно начало строить большой город (в нижнем течении рек Тигра и Евфрата), а при нем высокую башню, которая могла бы служить центром всех племен и в то же время знаком их равенства [Библейская энциклопедия, 1990, с. 103].

Итак, сопоставление сюжетов тюркских легенд о Всемирной потопе и Вавилонской башне с восточнославянскими показывает, что сюжетная основа легенд, зафиксированных у тюркских народов Южной Сибири, сохранена достаточно хорошо, но часто дополняется вставными фольклорными сюжетно-мотивными эпизодами, входящими в контаминацию с основным повествованием. К сюжету о потопе часто примыкают сюжеты легенд о первотворении. В легендах о потопе время трансформировано: оно уходит в эпоху «первотворения». Наблюдается и обратная ситуация, когда потоп соотносится с определенным историческим событием, происходившим в недавнем прошлом. Что касается категория пространства: о потопе информанты рассказывают тогда, когда они вспоминают о той или иной местности или топониме. В некоторых случаях в повествовании фольклорной составляющей больше, чем «библейской» сюжетной основы. Это подтверждается современными топонимическими преданиями, связанными с темой потопа.

Библейские легенды о Всемирном потопе и Вавилонской башне вошли в фольклорную традицию тюркских народов Сибири в результате их адаптации к местным культурно-историческим, этнографическим, мифологическим фактам и концептам. В построении рассказа используется национальная мифологическая терминология и образно-понятийная система, что четко видно на примере водной стихии, имеющей символическое воплощение в образе синего козла, существа связанного с водной стихией. В текстах не сохраняются имена главных героев (Ноя и его сыновей), вместо них используются нарицательные имена или имена тех исторических личностей, которые известны слушателям.

Литература

Алтай кеп-куучындар / Сост. И.Б. Шинжин, Е.Е. Ямаева. Горно-Алтайск, 1994. (на алт. яз.).

Аверинцев А.А. Ной // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 225.

Библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. М., 1891. Репринтное издание. М., 1990.

Белова О. В. Народная Библия: восточнославянские этиологические легенды. М., 2004.

Белова О. В. Славянские «библейские» легенды: от книжного источника к фольклорному нарративу // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сборник докладов. Т. II. М., 2006. С. 271–289.

Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008.

Вербицкий В.В. Алтайские инородцы. М., 1893.

Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1997.

Кузнецова В.С. Рябчик и Мамонт в легендах русской фольклорной «Библии» // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 5–13.

Кузнецова В.С. Фольклорные версии легенд о библейских событиях и персонажах: источники и механизмы формирования // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4. С. 5–13.

Мифологический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esseclub.narod.ru/Myths10/SimHamIafet.html>. Дата обращения: 14.02.2013.

МЛПТ – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. Новосибирск, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 28).

Напольских В.В. Миф о возникновении земли в приуральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // Советская этнография. 1990. № 1. С. 65–74.

Несказочная проза алтайцев (НПА) / Сост. Н.Р. Ойроткинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. Новосибирск, 2011. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 30).

Образцы народной литературы, изданные В.В. Радловым. СПб, 1907. Ч. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым.